

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К. О. Бутаева¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ш. Вебер²,

Российская экономическая школа, МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Д. В. Давыдов³,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, МИГРАЦИЯ, КОНФЛИКТЫ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ⁴

В статье представлено описание и проведен анализ особенностей языковой, этнической, культурной неоднородности с акцентом на экономические и социальные последствия порождаемых ею конфликтов. Основное внимание сосредоточено на связи языковых, этнических и культурных различий с процессами возникновения или увеличения потенциала реализации конфликтов в контексте социально-экономических измерений, а также с учетом неравенства доходов и миграции как одних из наиболее важных факторов динамики указанных процессов. Все рассматриваемые подходы к теоретическому описанию и эмпирической оценке опираются на базовые экономические критерии, что позволяет достигать более полного и точного описания исследуемых сложных социальных процессов. Отдельное внимание уделяется описанию кейсов, отражающих особенности проявления изучаемых аспектов неоднородности.

Ключевые слова: языковая и этническая неоднородность, миграция, экономическое неравенство, конфликты.

LANGUAGE, CULTURE, MIGRATION, AND CONFLICTS: PROJECTION INTO ECONOMIC FIELD

We consider a description and analysis of linguistic, ethnic, cultural heterogeneity issues, with an emphasis on the economic and social consequences of the resulting

¹ Бутаева Кристина Олеговна, научный сотрудник Международной лаборатории культурного разнообразия и экономического развития, аспирант экономический факультета; e-mail: kobutaeva@econ.msu.ru

² Вебер Шломо, PhD, профессор, и.о. ректора РЭШ, ведущий научный сотрудник кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ; e-mail: sweber@nes.ru

³ Давыдов Денис Витальевич, д.э.н., ведущий научный сотрудник Международной лаборатории культурного разнообразия и экономического развития экономического факультета.

⁴ Работа выполнена за счет средств Российского научного фонда, проект № 15-18-00098

conflicts. We focus on language, ethnic and cultural differences influence on the processes of emergence, or increase of the potential conflicts in the context of social and economic dimensions. We also take into account income inequality and migration, as the most important factors influencing the dynamics of these processes. The approaches to the theoretical description and empirical evaluation are based on basic economic criteria, which allows to achieve a more complete and accurate description of the studied complex social processes. We pay special attention to the case studies reflecting the peculiarities of the studied heterogeneity issues.

Key words: ethnolinguistic diversity, migration, economic inequality, conflicts.

Введение

При рассмотрении вопросов изучения обществ, состоящих из различных, неоднородных по составу групп граждан, исследователь должен принимать во внимание всевозможные аспекты разнообразия, в том числе неравенство в распределении доходов, географическую, историческую, религиозную и этническую неоднородность. Каждый из этих факторов оказывает влияние на силу экономических и политических институтов страны, ее рост, стабильность и возможности перераспределения богатства.

В то же время в контексте описания причин возникновения конфликтов в обществе необходимо классифицировать указанные факторы по степени влияния и, одновременно, по сложности их идентификации и количественного измерения. Если для непосредственно экономических факторов объемы исходной статистической информации достаточно велики, а способы количественного регулирования хорошо известны и активно используются при проведении социально-экономической политики, вопросы социальной неоднородности уже гораздо менее очевидны в своих решениях, а способы количественной оценки лингвистической, этнической и культурной неоднородности сохраняют на сегодняшний день свою дискуссионность.

Изучение разнообразия в обществе в контексте потенциальных конфликтов предполагает определение верхнего порога гетерогенности, который еще позволяет обеспечивать достаточный и устойчивый уровень его функционирования. Если разнообразие чрезмерно, общество может остановиться в своем развитии и начать осуществлять политику, применимую только для наиболее многочисленных групп своих граждан, и тогда может возникнуть угроза исчезновения его социальных основ.

Поэтому в данной статье, базируясь на фундаментальной работе [Ginsburgh, Weber, 2011], мы сосредоточим внимание на связи языковых, этнических и культурных различий с процессами возникновения или увеличения потенциала реализации конфликтов в контексте социально-экономических измерений, а также с учетом неравенства доходов и миграции как одних из наиболее важных факторов динамики указанных процессов.

Отталкиваясь от описания важности языкового разделения, прежде всего как фактора ограничения коммуникации, а следовательно, и взаимопонимания, далее мы последовательно раскрываем различные аспекты потенциального возникновения конфликтов, расширяя спектр факторов до этнолингвистической неоднородности, а затем и до неоднородности культурных основ общества. При этом все рассматриваемые подходы к теоретическому описанию и эмпирической оценке опираются на базовые экономические критерии, что позволяет достигать более полного и точного описания исследуемых сложных социальных процессов.

Мы также приводим несколько кейсов, отражающих особенности сложившихся условий или результатов применения той или иной политики в разных странах и в разные промежутки времени, сохраняя тем не менее базовый экономический подход к их описанию. В силу указанной выше важности миграционных процессов и динамики неравенства в формировании потенциала возможных конфликтов мы уделяем особое внимание классификации факторов и подходов к количественному описанию миграции и оценке неравенства.

1. Языковая неоднородность

Не вызывает сомнения тот факт, что важная часть истории развития культуры и традиций неразрывно связана с языком. Тонкое восприятие языковой принадлежности достаточно остро формулирует Г. Бреттон: *«Язык в скором будущем может стать гораздо более взрывоопасной проблемой, способной распространиться повсеместно и на долгое время. Это возможно ввиду того, что язык уже сам по себе, в отличие от других проблемных вопросов, ассоциируется с национализмом и этноцентризмом... он неразрывно связан с самим человеком. Страх лишиться возможности общения способен накалить политические страсти»* [Bretton, 1976, p. 447].

Почти все страны в мире являются многоязычными (одним из немногих современных и ярких исключений является Ислан-

дия, кейс которой мы рассмотрим ниже). Более того, согласно данным [Ethnologue, 2014], на сегодня известно 7106 отдельных живых языков, на которых говорят по всему миру, в то время как стран (включая так называемые зависимые территории и территории с неопределенным статусом) насчитывается только порядка 270. Таким образом, можно отметить, что *проблема языковой неоднородности присутствует практически повсеместно*. При том, что многие языки используются маленькими, зачастую отдаленными и изолированными сообществами, этническая и лингвистическая неоднородность не является феноменом исключительно стран «третьего мира». Несмотря на давнюю традицию этнических государств в Западной Европе, многие страны там остаются многоязычными. В них представлены в изобилии местные региональные языки, такие как валлийский в Великобритании, каталанский, баскский и галисийский в Испании, провансальский, бретонский и окситанский во Франции и фризский в Нидерландах.

Сохранение языковой неоднородности и популяризация уважительного отношения к культурному наследию всех членов общества являются одними из важнейших и первостепенных задач. В то же время при формировании государственной политики и принятии текущих управленческих решений необходимо учитывать важность экономического критерия, определяемого альтернативной стоимостью разнообразия. В этом смысле определение политики, отражающей «оптимальный» уровень разнообразия в использовании языков, — это очень трудная и деликатная задача. Более того, *язык, как и религия «не способны привести сами себя к простому компромиссу»* [Larousse, 1992, p. 599]. Поскольку язык является особой частью индивидуальной и групповой принадлежности, ограничение языковых прав может отдалять и лишать гражданских прав группы людей, чьи культурные, социальные и исторические ценности и чувства оказываются под угрозой (см. ниже кейс «Конфликты в Шри-Ланке»).

Идея языковой рационализации может быть реализована различными способами (см., например, [Laitin, 2000]). Простой способ — выбрать язык доминирующей группы, как французский во Франции, хан китайский в КНР, кёцуго японский в Японии. Другой вариант — выбрать язык межнационального общения, на котором может говорить большинство населения, но который не является родным языком для самой многочисленной языковой группы (суахили в Танзании, бахаса в Индонезии или английский в США). Наконец, стандартизация может быть достигнута посредством вы-

бора языка группы национального меньшинства. Такими примерами могут служить испанский в Южной Америке, амхари в Эфиопии или африкаанс в Южной Африке. Подобная политика является обратной: современная Конституция в Эфиопии позволяет преподавать в школах на местных языках, в Южной Африке сегодня существует одиннадцать официальных языков, и все они наделены равными конституционными правами. Последние два примера показывают, что в некоторых случаях *для удовлетворения нужд всего населения не всегда требуется универсальный язык*, и концепция рационализации должна сводиться лишь к некоторой степени стандартизации (см. подробнее [Ginsburgh, Weber, 2011]).

2. Единый язык коммуникации?

Формирование подходящей языковой политики в многоязыковом обществе также должно учитывать место и сложившуюся роль английского языка в современной экономической, социальной, научной и культурной среде [Ginsburgh, Weber, 2011]. Как отмечено в [De Swaan, 2001, p. 186], *«все общества в современном мире претерпели изменения под влиянием впечатляющего развития систем торговой, транспортной и электронной коммуникации. Вся эта происходящая «глобализация» протекает на английском языке»*. По оценкам Д. Кристала, на английском разговаривают порядка полутора миллиардов человек: для 400 миллионов он является родным языком, 400 миллионов используют его как второй язык, как минимум 150 миллионов бегло говорят на нем как на иностранном, и *«с определенной степенью вероятности последнее число может быть умножено на пять или четыре»* [Crystal, 1999, p. 105]. Отметим, что современная роль английского языка была предсказана еще в 1873 г. в эссе [Candolle, 1873], написанном на французском языке. Однако стоит тщательно взвесить потенциальную возможность английского стать универсальным языком межкультурного общения. На английском говорят практически *во всем мире*, но дело еще по-прежнему далеко от того, чтобы на нем разговаривали *абсолютно все*. На самом деле, даже в Евросоюзе более половины населения все еще не владеет английским.

М. Панде [Pande, 2009] приводит интересную статистику существенного снижения количества англоязычных газет в Индии. Если в середине XX в. газеты на английском языке представляли собой общенациональные средства вещания и приносили львиную долю рекламного дохода, то к началу XXI в. ситуация коренным обра-

зом изменилась. Опрос читателей Индии 2009 г. [Indian Readership Survey, 2009] показал, что ни одна англоязычная газета не вошла в ТОП-10 индийских ежедневных газет, среди которых шесть публиковались на хинди.

Стоит отметить, что возрастающая популярность английского может привести к ущемлению гражданских прав значительной части мирового сообщества. Именно поэтому французский лингвист К. Ажеж очень тверд в своей позиции относительно важности французского языка для Европы: *«Борьба за французский язык — это борьба ума»* [Nagege, 2005]. Эта фраза отражает мнение, разделяемое практически всеми европейскими странами, о том, что стоит отменить использование только английского языка в качестве языка межнационального общения в Европе.

3. Экономические критерии и языковая политика

Одним из главных критериев выбора между стандартизацией и ограничением языковых прав является проблема выбора официального, или рабочего, языка в многоязыковом обществе [Ginsburgh, Weber, 2011]. Разумеется, гораздо проще отдавать предпочтение стандартизации, когда все жители страны говорят на одном языке (хотя они также могли бы говорить и на нескольких), как, например, в Португалии. Такая ситуация, хоть и в меньшей степени, встречается в Испании, где испанский является коренным языком для 73% населения, каталанский является родным для 10%, галийский для 8% и баскский для 1,5%. Каталония и Галисия активно борются за признание своих языков официальными в Европейском союзе. Действия некоторых баскских движений с целью добиться официального признания их статуса (и не только в отношении статуса их языка) принимают все более серьезные формы.

С одной стороны, *исключение коренного языка какой-либо группы населения из перечня официальных языков может иметь далекоидущие экономические и моральные последствия*. Согласно [Pool, 1991, р. 495], *«те, чьи языки не имеют статуса официальных, тратят годы на изучение нового языка и при этом могут продолжать испытывать трудности в общении, при приеме на работу и страдать из-за статуса языкового меньшинства»*. С другой стороны, выбор низкого уровня языковой стандартизации и большого числа языков, используемых в сфере образования, торговли и других санкционируемых государством сферах, приводит к возникновению дополнительных расходов и коммуникационных барьеров, которые оказывают негативное воз-

действие на национальное единство. Издержки поддержания большого количества национальных языков могут быть достаточно внушительными.

Более того, широкое использование различных языков и чрезмерное языковое разнообразие ограничивают возможности граждан общаться друг с другом и ослабляют чувство национального единства и самобытности. Вот почему применение некоторой степени языковой стандартизации крайне важно, чтобы сохранить *баланс языковых прав в соответствии с потребностями эффективного экономического управления и разумной организации жизни общества*. Многие помнят предостережение Ф. Грина по этому поводу: *«Исследователи должны проявлять крайнюю осторожность, когда пытаются применить принципы экономического моделирования к языковой политике»* [Grin, 1996].

В работах [Pool, 1991; Van Parijs, 2005] подробно рассматриваются причины, по которым трудно отыскать устойчивое и справедливое разрешение проблемы официальных языков. *Причины включают в себя: противоречивую, символическую и дискуссионную природу языковых конфликтов; внутреннюю несовместимость языковых сообществ; нежелание языкового большинства признавать лингвистические права языковых меньшинств; злоупотребление властью государственными служащими в попытках отстаивать свои языковые права; а также существенные и непредсказуемые последствия языкового выбора*. Существует важное различие между последствиями для социальной, экономической и политической сфер и тем, что относится к национальной гордости и патриотизму. Человек, чей национальный язык не имеет статуса официального, может тем не менее продолжать получать в полном объеме все те же самые социальные, экономические и политические преимущества, если он владеет одним из официальных языков, либо в чуть меньшей степени, если в перечне официальных языков есть один из близких к его родному. Однако это все равно оказало бы негативное влияние на чувство национальной гордости человека, даже если бы он очень хорошо владел официальным языком (см. также [Ginsburgh, Weber, 2011]).

4. Количественные подходы и эмпирические оценки этнолингвистической и культурной неоднородности

Важно различать сущность лингвистического и, более широкого, этнолингвистического разнообразия, а также связать их с поняти-

ями близости и отдаленности различных языковых групп. Нетрудно согласиться с высказываем о том, что итальянцы и испанцы являются гораздо более лингвистически близкими группами, чем, к примеру, поляки и немцы. Тем не менее понятие «расстояния» между лингвистическими группами является дискуссионным, а вопрос об адекватности его применения в определении языковых и культурных различий до сих пор остается открытым. Исследование, посвященное сопоставлению словарных составов различных языков, проведенное М. Сводешом [Swadesh, 1952] и развитое в [Dyen et al., 1992], не оправдало в полной мере ожиданий в области количественного определения лингвистической близости (или ее отсутствия) [Ginsburgh, Weber, 2011].

Проблемы, вызванные языковыми «расстояниями» между двумя различными странами, отличаются в зависимости от того, о каких языках идет речь, но не зависят от того, где именно на них говорят. Понятие языковой близости между двумя странами, наряду с другими факторами широко применяется, например, при описании международной торговли и моделировании торговых потоков между этими странами.

В упрощенном подходе языковое расстояние задается как двоичная переменная, которая принимает значение 0, если один и тот же язык повсеместно распространен в обеих странах (как, например, немецкий в Германии и Австрии), и значение 1 во всех остальных случаях. Лучшей альтернативой является оценка вероятности того, что люди в двух различных странах могут говорить на общем языке. Для этого может быть использован индекс Дж. Гринберга [Greenberg, 1956] или индекс коммуникации С. Либерсона [Lieberson, 1964]. Индекс Гринберга используется в многоязыковом обществе и определяется вероятностью того, что два случайно выбранных члена общества владеют хотя бы одним общим языком. С. Либерсон [Lieberson, 1964, 1969] уточнил этот индекс так, что он стал пригоден к измерению степени коммуникации между двумя языковыми группами.

Оценки языковой неоднородности с учетом этнической принадлежности групп граждан приводят к более сложной группе индексов, которые, в свою очередь, используются далее как регрессоры в различных эмпирических исследованиях влияния неоднородности на экономическое развитие. Подробное описание классов индексов, применяемых при оценке языковой и этнолингвистической неоднородности, а также в анализе неоднородности культур, можно найти в [Акчурина, Вебер и др., 2015].

Б. Уорф и Э. Сапир [Whorf, 1956; Sapir 1970], а чуть позже Л. Кавалли-Сфорца [Cavalli-Sforza, 2000] предложили идею о том, что язык и культура связаны между собой и можно определить их корреляцию, но при этом язык является фактором, замедляющим культурные изменения. Упоминание этой связи делает полезным краткое рассмотрение того, как могут быть измерены межкультурные расстояния. Подобные связи были выявлены и подробно изучены Г. Хофстеде [Hofstede, 1991, 2001], что позволило выделить и оценить следующие, широко известные на сегодня, критерии: *дистанция власти, индивидуализм, мужественность, неприятие неопределенности*.

В. Гинзбург и А. Нуари [Ginsburgh, Noury, 2008] определили степень корреляции между лексикостатистическими расстояниями и указанными четырьмя критериями среди двадцати двух (преимущественно европейских) стран, которые принимали участие в ежегодном конкурсе «Евровидение» с 1975 по 2003 г. Коэффициенты корреляции получились соответственно равными 0,205, 0,254, $-0,092$ и 0,319.

Согласно широко известным исследованиям Ш. Шварца (см. обзор [Schwartz, 2010]), культуры зачастую возникают на стыке разных «полюсов» развития. Они формируют поведение людей и социальных институтов, направленное на поиск оптимального решения проблем, с которыми сталкивается общество. Соответственно, измерения культурных различий можно проводить, выделяя следующие основные виды «полюсов»: *автономность — вовлеченность, равноправие — иерархия, гармония — господство*.

Исследователи рассматривают множество измерителей межкультурных расстояний. В работе [Desmet et al., 2009] предлагается оценивать межкультурные расстояния различных наций на основе ответов на 430 вопросов четырех волн Всемирного исследования ценностей [World Values Survey, 2014], в том числе в отношении мировоззрения людей, их взглядов на религию и мораль. В работе [Felbermaur, Toubal, 2007] измерены межкультурные расстояния европейских стран с использованием данных об оценках, выставленных жюри на конкурсе «Евровидение». Преимуществом такого подхода является возможная асимметрия в оценках «расстояний», поскольку страна *A* может испытывать к стране *B* иные чувства, чем страна *B* к стране *A*. Такие чувства, а следовательно, и расстояния могут также изменяться с течением времени, в динамике.

5. Динамические изменения неоднородности: миграция и неравенство доходов

Изменение уровня этнолингвистической и культурной неоднородности с течением времени во всем государстве или на его отдельных территориях определяется широким набором факторов, включающих, среди прочего, различия в уровне рождаемости, миграцию, а также эндогенный фактор — проводимую государством политику. Среди исследуемых факторов наиболее существенный эффект в краткосрочном периоде дает миграция.

С индивидуальной точки зрения, стандартным подходом в анализе последствий принятия решения о миграции является соотношение затрат и выгод от этого решения. Перспективы получать большую заработную плату или другие выгоды¹ сравниваются с финансовыми и психологическими издержками, которыми всегда сопровождается адаптация к новой культуре или необходимость оставить свою семью. Информация о культурных и языковых отличиях другой страны, полученная от тех, кто иммигрировал ранее, может в значительной степени повлиять на принятие человеком решения о миграции. Степень вовлеченности рабочей силы в технологический процесс также является ключевой в вопросе потенциального заработка и протекания процесса адаптации.

Здесь же необходимо отметить взаимное влияние уровня неравенства доходов и миграционных процессов. В зависимости от квалификации мигрантов, а также сопутствующей миграционной и социальной политики уровень неравенства в результате миграционных процессов может как сокращаться, так и возрастать, что в последнем случае является дополнительным фактором возникновения потенциальных конфликтных ситуаций.

С позиций количественной эмпирической оценки структура типичного уравнения в модели миграции схожа с описанием процессов международной торговли, но их теоретическое обоснование существенно отличается. Например, [Massey et al., 1993; Carrington et al., 1996] объясняли это существованием сообществ среди мигрантов, создающих положительный внешний эффект для тех, кто мигрирует позже, поскольку это способствует снижению их издержек и упрощает их ассимиляцию (см. также: [Grogger, Hanson, 2007; Beine et al., 2009]).

¹ Если миграция происходит между развивающимися странами, снижение риска в большей степени, чем максимизация дохода, является целью при принятии решения о миграции (см. [Guilmoto, Sandron, 2001]).

В статье [Beine et al., 2009] разбираются предпосылки миграционных потоков между 1990 и 2000 гг. из 195 стран в тридцать стран ОЭСР. Поскольку причины, по которым люди принимают решение о миграции, могут быть различными, авторы рассматривали отдельно поток низкоквалифицированной рабочей силы (со средним образованием) и поток работников с высокой квалификацией (с высшим образованием), в зависимости от того, как мигранты сами себя определяли, приехав в другую страну. Помимо составления уравнений для групп с каждым типом образования, они вычисляли, как и некоторые другие авторы, степень воздействия различных факторов на соотношение высококвалифицированных и низкоквалифицированных работников-мигрантов.

Согласно [Beine et al., 2009], одним из наиболее важных факторов, влияющих на общую величину потока мигрантов, можно назвать размеры диаспоры (в которую входят люди старше двадцати пяти лет, которые родились на своей этнической родине). Уровень заработной платы в принимающей стране и степень гибкости миграционного законодательства (которую можно охарактеризовать долей беженцев в общем числе мигрантов) также оказывают положительное воздействие, в то время как более глобальные социально-экономические показатели (ВВП на душу населения и др.) не оказывают существенного влияния на общее число квалифицированных и неквалифицированных работников-мигрантов. Также существенное влияние на величину миграционного потока имеет наличие в двух странах одного общего языка. При этом большая численность населения, более высокие заработные платы, большие географические расстояния и общий язык способствуют притоку квалифицированных работников-иммигрантов. И наоборот, более жесткая иммиграционная политика, маленькие социальные выплаты и наличие крупных диаспор снижают общий объем миграции (см. также: [Docquier et al., 2007]).

Другим аспектом динамического изменения неоднородности наряду с миграцией является экономическое неравенство. Сам по себе уровень неравенства в доходах может быть и причиной, и следствием миграционных процессов, однако сравнительный анализ уровня неравенства между странами или территориями (регионами) одной страны позволяет получить более полное представление об общем уровне неоднородности в обществе.

Неравенство доходов, с одной стороны, является объективным и непреложным следствием различий в знаниях, умениях, навыках и способностях людей. С этой точки зрения дифференциация

доходов до определенного уровня несет в себе положительные эффекты и является стимулом к развитию. С другой стороны, высокая степень экономического неравенства порождает ограничение прав и возможностей определенных групп граждан, что может послужить фактором снижения уровня экономической стабильности и возникновения атмосферы социальной напряженности. Таким образом, экономическое неравенство и его динамику можно рассматривать как фактор влияния на уровень потенциальных конфликтов в обществе. Определение «оптимального» уровня дифференциации доходов, элиминирующего отрицательный эффект неравенства, требует построения более точных количественных оценок, например, с использованием техники совмещенных статистических распределений¹.

6. Прикладные аспекты неоднородности: особые примеры и случаи

Проиллюстрируем приведенные выше теоретические суждения и выводы примерами проявления языковой и культурной неоднородности, а также проблем неравенства и миграции в их связи с потенциальными и фактическими конфликтами.

6.1. Кейс «Языковая политика Исландии»

Даже целая страна может почувствовать опасность в отношении сохранения своего языка под влиянием внешних угроз. Исландия является одной из немногих моноязычных стран на земле и представляет для Европы единственный сохранившийся пример лингвистически однородного государства. Практически все исландцы говорят на исландском, считая его своим родным языком, и используют его в качестве основного во всех сферах жизни [Vikør, 2000]. Даже при отсутствии внутренних языковых проблем, тем не менее страна до сих пор вынуждена защищать свою самобытность, тесно связанную с особенностями языка. В течение почти четырехсот лет производятся многочисленные попытки очистить исландский язык от иностранного, в основном датского, влияния. Современное доминирование английского языка стало серьезной угрозой исландской самобытности, формировавшейся в течение многих веков изоля-

¹ Ярким примером использования моделей совмещенного распределения в аппроксимации доходов является Парето-логнормальная функция распределения (см. [Reed, Jorgensen, 2003; Souma, 2001]).

ции под воздействием собственной литературы и собственных культурных ценностей. Примером охраны своего языка можно назвать успешную попытку исландцев убедить компанию «Майкрософт» добавить исландский в список языков, поддерживаемых Windows [Corgan, 2004]. В начале XXI в. Исландия все еще тратила около 3% своего ВВП на действия, связанные с поддержкой и защитой своего языка, включая перевод на исландский и переиздание огромного числа иностранных учебников и художественной литературы.

6.2. Кейс «Миграция из КНР и Индии»

Сравним миграцию населения из Китая в США и в Японию [Fujita, Weber, 2009]. Производственный процесс в Японии предполагает наличие высокой степени культурной однородности и высокую степень коммуникации среди рабочей силы, поэтому китайским мигрантам трудно интегрироваться; США являются гораздо более открытыми для мигрантов, китайские мигранты смогли достичь там обоснованно большей степени вовлеченности в производственный процесс. Важно отметить, что для китайских мигрантов в Японии существует ряд языковых и исторических проблем. Некоторые китайские иероглифы зачастую используются в японском письме, однако их произношение существенно отличается от китайского. Более того, важно отметить, что китайский и английский языки имеют похожую структуру, в то время как оба они достаточно далеки от японского. И наконец, если вспомнить важные исторические события и особенности взаимоотношений между двумя странами, можно отметить, что с Японией у Китая возникало гораздо большее количество межкультурных конфликтов, чем с США.

Аналогичное различие в целях миграции также можно наглядно представить на примере миграции из Индии в США и в Японию. В 1990 г. Япония внесла существенные изменения в свою политику по ограничению иммиграции, которые упростили въезд в страну высококвалифицированных инженеров и IT-специалистов из-за границы, в том числе и из Индии. Тем не менее культурные и технологические нововведения, которые ждали индийцев в Японии, остались достаточно серьезными. Их удовлетворенность условиями работы в результате оказалась значительно ниже по сравнению с мигрантами из других азиатских стран [Ota, 2008]. Более того, в силу колониального прошлого Индии большое количество образованных граждан этой страны владеет английским языком, что сокра-

щает уровень культурных различий, с которыми встречаются мигранты из Индии в США.

6.3. Кейс «Языковая политика Индии»

Одним из наиболее интересных примеров политики, нацеленной на поддержание эффективности, экономического благосостояния и чувства национальной гордости различных языковых групп, являются действия, проводимые в Индии около пятидесяти лет назад (см.: [Laitin, 1989]). Жители южных штатов, где язык хинди не был распространен, жаловались на то, что использование этого языка органами государственного управления ущемляет их права, поскольку им приходится изучать два дополнительных языка — хинди и английский, в то время как носителям языка хинди достаточно овладеть только английским. В ответ была предложена так называемая формула трех языков, которая (с поправкой на разные штаты) предполагала, что дети в штатах, говорящих на хинди, должны изучать три языка: хинди, английский и какой-либо из современных языков южных штатов, в то время как дети в штатах, где хинди не распространен, должны изучать хинди, английский и свой родной язык. Такое решение привело к недовольству со стороны языковых меньшинств, разговаривающих на урду, которые жаловались на то, что их детей принуждают изучать местный язык наряду с их родным языком. В результате формула дополнилась с учетом требований языковой группы урду, и их язык стал первым предпочтительным языком в нескольких штатах. Ожидаемое решение проблемы группового единства, сохранения родного и общенационального языков, поддержки чувства национальной принадлежности (за счет языка хинди), достижения эффективности в управлении и технологического прогресса (за счет английского языка) было достигнуто лишь частично. Основными причинами этого явились: слабое финансирование, недостаток учителей, незначительная поддержка со стороны региональных властей, а также отсутствие должного энтузиазма у существенной части учеников и их родителей в изучении других региональных языков.

6.4. Кейс «Конфликты в Шри-Ланке»

Продолжительный и кровопролитный конфликт в Шри-Ланке является наглядным примером того, каким эмоциональным, взрывным и опасным может стать выбор официального государственного языка. Две главные языковые группы в Шри-Ланке, сингалы (преи-

мущественно буддисты, около 3/4 всего населения) и тамилы (преимущественно индуисты, около 1/5 всего населения), мирно сосуществовали на протяжении двух тысяч лет. После ста пятидесяти лет английской экспансии остров добился своей независимости в 1948 г., что вызвало многочисленные попытки обеих групп выдвинуть свой язык в качестве официального языка Цейлона взамен английского. Высокое качество преподавания английского языка в северных тамильских регионах позволило тамилам достаточно просто получить ключ к их численному превосходству в университетах и занять престижные рабочие места в государственном секторе. В 1946 г. *«тамилы составляли около 33% государственных служащих, около 40% служащих судебной системы... около 31% всех университетских студентов. В области медицины и техники число тамиллов приблизительно равнялось числу сингалов»* [deVotta, 2004, p. 46–47].

Численное (относительное) преимущество тамиллов среди образованной элиты и желание сингалов претендовать на «большой кусок национального пирога» привели к созданию движения «Только сингалы». Оно было поддержано буддистскими монахами, которые провозгласили, что не только сингальский язык, но и буддизм в целом пострадает, если сохранится паритет между сингалами и тамилами. Другой существенной причиной протеста был страх сингалов оказаться под властью более развитой тамильской культуры и литературы. В 1956 г. был выпущен так называемый «Только сингальский» акт, который имел крайне драматические последствия.

Согласно [Brown, Ganguly, 2003, p. 11], *«последствия акта стали поворотной точкой в сингало-тамильских отношениях. Недовольство тамиллов впоследствии только возрастало, поскольку в Шри-Ланке, как и везде, языковая политика оказывает широкое влияние на возможности в сфере образования и экономики»*. К 1970-м гг. значительная часть тамильской молодежи воспитывалась в милитаристском духе и была настроена крайне радикально. Правительство предприняло ряд миротворческих мер по отношению к тамильскому меньшинству. В ответ на последовавшие в 1977 г. беспорядки, правительство отменило не вполне равноправные правила поступления в институт, и Конституция 1978 г. провозгласила тамильский национальным языком. Поправка к Конституции в 1988 г. присвоила тамильскому статус официального языка, однако неверное истолкование и непоследовательное применение статей Конституции, касающихся вопросов языка, только подтвердили очевидное: слиш-

ком мало и слишком поздно. Полномасштабная гражданская война уже разоряла страну. Десятки тысяч жизней унесла двадцатилетняя война, перед тем как конфликт пришел к крайне непростому разрешению.

6.5. Кейс «Югославия»

Примером взрывоопасного соединения языковых проблем с национализмом и гражданской войной является болезненный и кровавый распад Югославии. Б. Спольский [Spolsky, 2004] отмечает: *«При распаде Югославии язык играл двоякую роль: с одной стороны, он был причиной нарастающего национализма, с другой стороны, он стал инструментом этнической вражды»*. Истоки конфликта ведут к югославским языковым соглашениям, которые просуществовали со времен Второй мировой войны до 1991 г. (окончательный распад государства был формализован в 1992 г. вместе с расколом Словении и Хорватии). Во время правления президента Тито основные «нации» Югославии включали сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев и боснийских мусульман. Кроме того, различной степенью культурных и языковых прав, которые тем не менее не снимали этническую и языковую напряженность, обладали албанцы, болгары, чехи, венгры, итальянцы, цыгане, русины, словаки и турки. Важно отметить, что такие автономные регионы, как социалистический край Воеводина и Косово, уже имели некоторую степень этнических и языковых конфликтов задолго до того, как возникло напряжение, бурлящее почти двадцать лет.

Заключение

Источниками конфликта могут служить различные базовые факторы неоднородности, такие как язык, этнос или религия, либо производные социально-экономические параметры, включая неравенство доходов и результаты миграционной политики государств.

Сочетание устойчивых различий может сохраняться на протяжении длительного времени, либо, напротив, краткосрочный эффект неоднородности по одному из малозначимых на первый взгляд параметров может приводить к существенным конфликтам. Такая «вспышка», вызванная случайной или осознанной провокацией, является исходно слабо прогнозируемой в контексте изучения неоднородности. Однако качественное и количественное описание различных аспектов неоднородности, определение пороговых (ко-

личественных) значений индекса неоднородности позволяют выделить наиболее проблемные элементы взаимодействия, в отношении которых необходимо тщательно подбирать политику нейтрализации потенциальных конфликтов.

Представленные в работе описания кейсов в отношении языковой и этнической неоднородности, а также связанных с ней особенностей миграции и их совместного влияния на социально-экономическое развитие, позволяют глубже понять механизмы управления соответствующими процессами. В частности, развитие событий в Шри-Ланке дает понять, что сложная сеть языковых взаимоотношений может привести к конфликтам, исход которых трудно предсказать. Языковая напряженность всегда была и остается важной составляющей во многих конфликтах по всему миру и часто сопряжена с реализацией политических решений.

Список литературы

1. Акчурина Д. Д., Вебер Ш., Давыдов Д. В., Крутиков Д. В., Хазанов А. А. Измерение разнообразия: теория и социально-экономические приложения // Современная экономика: проблемы и решения. 2015. № 2 (62). С. 8–28.
2. Beine M., Docquier F., Özden Ç. Diasporas. Manuscript. Department of Economics, Universite Catholique de Louvain, 2009.
3. Bretton H. Political science, language and politics / In : Language and Politics. Ed. by J. O'Barr and W. O'Barr. The Hague: Mouton, 1976.
4. Brown M., Ganguly S. Fighting Words: Language Policy and Ethnic Relations in Asia. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
5. Candolle A. Histoire des sciences et des savants depuis deux siecles. Paris: Librairie Artheme Fayard, 1873.
6. Carrington W., Detragiache E., Vishwanath T. Migration with endogenous moving costs // American Economic Review. 1996. Vol. 86. P. 909–930.
7. Cavalli-Sforza L. Genes, Peoples and Languages. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2000.
8. Corgan M. Icelandic confronts globalization // Center for Small States Studies Conference report. Reykjavik. Sept., 16–18, 2004.
9. Crystal D. A Dictionary of Language. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
10. De Swaan A. The Evolving European Language System: A Theory of Communication Potential and Language Competition / In: Words of the World. Cambridge: Polity Press, 2001.
11. Desmet K., Le Breton M., Ortuno-Ortun I., Weber S. Stability of nations and genetic diversity / VIVES Discussion Paper 10. Catholic University of Leuven, 2009.

12. *deVotta N.* Blowback: Ethnolinguistic Nationalism, Institutional Decay, and Ethnic Conflict in Sri-Lanka. Stanford, CA: Stanford University Press, 2004.
13. *Docquier F., Lohest O., Marfouk A.* Brain drain in developing countries // World Bank Economic Review. 2007. Vol. 21. P. 193–218.
14. *Dyen I., Kruskal J., Black P.* An Indo-European classification: A lexicostatistical experiment // Transactions of the American Philosophical Society. 1992. Vol. 82 (5).
15. *Ethnologue* / Ed. by M. P. Lewis, G. F. Simons, and C. D. Fennig. TX: Dallas, 2014.
16. *Felbermayr G., Toubal F.* Cultural proximity and trade. Manuscript. Paris School of Economics, 2007.
17. *Fujita M., Weber S.* Immigration Quotas in the Globalized World // Journal of the New Economic Association. 2010. Vol. 7. P. 10–23.
18. *Ginsburg V., Noury A.* The Eurovision Song Contest: Is voting political or cultural? // European Journal of Political Economy. 2008. Vol. 24. P. 41–52.
19. *Ginsburgh V., Weber S.* How Many Languages do We Need? The Economics of Linguistic Diversity. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2011.
20. *Greenberg J.* The measurement of linguistic diversity // Language. 1956. Vol. 32. P. 109–115.
21. *Grin F.* Economic approaches to language and language planning: An introduction // International Journal of the Sociology of Languages. 1996. Vol. 121. P. 1–16.
22. *Grogger J., Hanson G.* Income maximization and the sorting of emigrants across destinations, manuscript. University of California, San Diego, 2007.
23. *Guilmoto C., Sandron F.* The international dynamics of migrations networks in developing countries // Population: An English Selection. 2001. Vol. 13. P. 135–164.
24. *Hagege C.* Combat pour le francais. Paris: Odile Jacob, 2005.
25. *Hofstede G.* Culture and Organizations. London: McGraw-Hill, 1991.
26. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Beverly Hills, CA: Sage, 2001.
27. *Indian Readership Survey* [Электронный источник]. Формат доступа: основной сайт <http://www.mruc.net/>; данные обзора за 2009 г. URL: <http://www.publicitas.com/en/home/media-news-events/news-detail/?newsid=28968#.VjcNazaheUk>
28. *Laitin D.* Language policy and political strategy in India // Policy Studies. 1989. Vol. 22. P. 415–436.
29. *Laitin D.* What is a language community? // American Journal of Political Science. 2000. Vol. 44. P. 142–155.
30. *Laponce J.* Language and politics / In : Encyclopedia of Government and Politics. Ed. by M. Hawkesworth and M. Hogan. London: Routledge. 1992. Vol. 1. P. 587–602.
31. *Liebersohn S.* An extension of Greenberg's linguistic diversity measures // Language. 1964. Vol. 40. P. 526–531.

32. *Liebertson S.* Measuring population diversity // *American Sociological Review*. 1969. Vol. 34. P. 850–862.
33. *Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor E.* Theories of international migration: A review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19. P. 431–466.
34. *Ota H.* Indian IT software engineers in Japan: A preliminary analysis. Discussion Paper 168. Tokyo: Institute of Developing Economies, 2008.
35. *Pande M.* Hindimedia and an unreal discourse // *The Hindu*. 2009. November 18. N 1.
36. *Pool J.* The official language problem // *American Political Science Review*. 1991. Vol. 85. P. 495–514.
37. *Reed W., Jorgensen M.* The Double Pareto-Lognormal distribution — a new parametric model for size distributions. *Communication in Statistics — Theory and Methods*. 2004. Vol. 05.
38. *Sapir E.* Language / In: *Culture, Language, and Personality: Selected Essays*. Ed. by D. G. Mendelbaum. Berkeley, and Los Angeles: University of California Press, 1970.
39. *Shwartz S.* Cultural distances and value orientations / *Handbook of the Economics of Art and Culture*. Ed. by V. Ginsburg and D. Throsby. Amsterdam: Elsevier, 2010. Vol.2.
40. *Souma W.* Universal Structure of the Personal Income Distribution. // *Fractals*. 2001. Vol. 09.
41. *Spolsky B.* Language Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
42. *Swadesh M.* Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1952. Vol. 96. P. 121–137.
43. *Van Parijs P.* Europe's three language problems / In : *The Challenge of Multilingualism in Law and Politics*. Ed. by D. Castiglione, C. Longman. Oxford: Hart Publishing, 2005.
44. *Viktor L.* Northern Europe: Languages as prime markers of ethnic and national identity // *Language and Nationalism in Europe* / Ed. by S. Barbour and C. Carmichael. Oxford: Oxford University Press, 2000.
45. *Whorf B.* Language, Thought and Reality. Cambridge, MA: MIT Press, 1956.
46. World Values Survey [Электронный источник]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Akchurina D. D., Weber S., Davydov D. V., Krutikov D. V., Khazanov A. A.* Izmerenie raznoobrazija: teorija i social'no-ekonomicheskie prilozhenija // *Sovremennaja ekonomika: problemy i reshenija*. 2015. № 2 (62). S. 8–28.